

Буркина-Фасо

Уехать в Буркина-Фасо – поскольку там зимой теплее.

Доить козу, жевать песок, пахать песок, в него же сеять;
забыть произносить слова, оставить космос космонавтам,
дружить, ваять и воевать предпочитая бесконтактно.

Смотреть, как движется луна, и как её догнали тучи,
и, улыбаясь, вспоминать какой-нибудь фейсбучий случай.
И ощущать, что дождь косой, но он не действует на нервы.
Уехать в Буркина-Фасо. И там всю жизнь любить бербера.

Варя

Всё было чинно, важно, благопристойно –

Двухцветный фикус в кадке и свет торшера,

И толстый кот по имени Аристотель

Читал Камю и выглядел совершенно;

И всё, смещаясь, длилось одновременно –

Пшеница, уголь, чётки и ёшкин корень,

И бэтээры, и тараканы, и Ойкумена,

В которой небо, в котором рыбы, в которых море;

Корова в капле, куры, и вол, и ослик,

И повороты разных других историй...

Волхвы. Младенец в яслях. А где-то возле

Учёный кот по имени Аристотель.

Лот

Всё в движении: капает с крыш весна,
Некто плянется в небо, думает о былом.
Если ангелы постучатся – их пригрозят познать -
Потому что Содом – во все времена Содом.

Пахнет мясом и женщиной. Ходит официант.
И на спинке стула чей-то висит пиджак.
Лот привычно курит. Его бы поцеловать.
Лот начитан, невзрачен, слегка зажат.

Разомлел от напитков, телу его тепло.
Вспоминает слова, записывает в блокнот.
Подойти к нему, поздороваться... Только Лот
Надевает пальто – потому, что сейчас уйдёт.

Поздний вечер музыкой ветра застыл в дверях.
Бог, ворочаясь, засыпает, хочет для всех добра.
Недобитые ангелы где-то вверху парят.
Лот звонит дочерям, выходит. Ему пора.

Ми-8

А в природе и нет никаких голубых вертолётов –
Есть Ми-2 и Ми-8, и Ка-26.
Голубой вертолёт был придуман для ровного счёта –
Чтобы дети считали, что в мире волшебники есть.

Голубой вертолёт – это вымысел детских поэтов –
У поэтов, известно, всегда нелады с головой.
Папа мой прилетал в вертолёте защитного цвета –
Привозил осетрину, икру и людей с буровой.

И вода в Енисее всё та же, и небо над кронами сосен,
И деревни всё те же, и те же стоят города,
Но другой бортмеханик летает теперь на Ми-8,
Только звук отличу от других и услышу всегда.

А волшебники есть. Снова лопасти крутят пространство,
Даже если на том берегу и почти что затих,

Даже если оранжевый, авиалесоохранский –
Это папа в Ми-8 по синему небу летит.

Баттерфляй

И студия рекламы "Баттерфляй",
И кривенький ларёк "Живое пиво";
Планета называется Земля,
И космонавты знают – здесь красиво.

Пустая голубятня. И гараж.
Внизу говно. На крыше ржавый флюгер.
Фасад. Витрина. Магазинчик "Наш",
И рядом "Ритуальные услуги".

И кто-нибудь хороший и родной
Убит, зачёркнут, выдран, нету, содран.
Идти. Споткнуться. Наступить в говно.
Остаться честным, оставаясь добрым.

Переиначить, сделать всё не так –
И мир покажется значительно приятней:
Говно. Соседки. Трупки собак.
Гараж. Ларёк. Пустая голубятня

Серёга

Да, Серёга, мужик ты, конечно, достойный, приличный,
В меру куришь и пьёшь, и достаточно толстый,
Но уж если от мужа гулять, то гулять с Камбербичем –
Ты, Серёга, не тянешь на Шерлока Холмса.
Мне серёжки подаришь? С алмазом? Да ладно, иди ты.
И колечко подаришь ещё? и оно золотое?
Бенедикт голубой? Мне не стоит гулять с Бенедиктом?
Можешь сутки подряд? С Бенедиктом в натуре не стоит?
Мы бы с ним бы уехали в глушь, мы осели бы в Томске –
Потихоньку от мужа, чтоб муж ничего не заметил.
Завели бы свиношек и прочих домашних питомцев,
Завели б огород и у нас появились бы дети.
Завели бы курей, развели б на продажу бульдогов,
Камбербич целый день у меня б отрабатывал брекфест.

Я не буду с тобой, извини, ты не Шерлок, Серёга.
Мне не надо кольца и преступного грязного секса.
Для души, говоришь? Открываешь мне чистую душу?
Достаёшь для меня из своей головы тараканов?
Ты, Серёга, не Шерлок. И мне даже на дух не нужен.
С Бенедиктом бы да. А с тобою, Серёга, не стану.

Руслан и Людмила

А она его поллюбила и прикормила –
Он однажды в любви ей признался, пьяный.
Крашенная блондинка. Звали её Людмила.
Местный электросварщик. Звали его Русланом.

Он был бабник, но обаятельный добрый малый –
Он поддерживал глупые женские разговоры.

Но Людмила никуда ему не упала –
Он пытался сплавить её Черномору.

А она сидела в табачном своём киоске
И мечтала с любимым Русей кутить на юге –
Так мечтал, наверно, Иосиф Бродский
О каком-то загадочном римском друге.

А потом разливала ночь по земле чернила,
Возвращался Руслан – неизменно пьяный.
И она с ним говорила и говорила –
Как когда-то с няней пушкинская Татьяна.

А потом наступила весна. И, конечно, лето,
И Людмила в брак вступила. В законный.
Черномор привлёк её интеллектом.
Сокрушалась всё, что простой электрик.
Но сейчас присматривается к почтальону.

виноград

Охранники рьяны, когда стерегут виноград.
В крови заиграли гремучие древние яды.

Столетия назад. На мгновение раньше. Вчера.
Иди же ко мне, господин моего винограда.

Дрожание неба и ржание рыжих кобыл,
И кипарисы, проткнувшие мякоть рассвета.
Не капли росы – это крупные капли судьбы,
Идущей по саду, ступающей мягко по следу.

Не надо ни ягод и ни твоего серебра –
Звенят серебром на моих ожерельях Плеяды.
Охранники слепы, когда стерегут виноград.
Иди же ко мне, господин моего винограда.

санитарка Галя плакала в курилке

санитарка Галя плакала в курилке
плакала в курилке – скоро Новый год.
Галя - санитарка, и еще кормилка –
супчик наливает, моет и скребет.

санитарке Гале трудно в этом мире,
но она работает, но она живет –
выдали зарплату – тысячи четыре –
детям на подарки – здравствуй, Новый год.

Галя просто дура. Галя виновата,
что не образована – кто тут виноват.
Галя и не просит, чтоб ее зарплата
составляла где-то тысяч шестьдесят.

санитарка Галя плакала-рыдала,
плакала-рыдала – скоро Новый год.

санитарка Галя, это же не мало –
посмотри – у доктора десять восемьсот.

четверть еврейской крови

Из-за углов щерится подло погань.
Сверху на это смотрит небесный царь.

Истинный патриот яростно верит в Бога,
Чтобы судить других от его лица.

Истинный патриот им предрекает участь —
Можно помиловать, если нельзя казнить.
Истинный патриот (мелкопоместный дуче)
Боже в его кармане, знающий всё про них.

Слышатся бесы в каждом неровном слове,
Если раскладывать слово за слогом слог.
Он мне простит *четверть еврейской крови*
Он мне простит, только при чём здесь Бог.